

ХРОНОЛОГИЯ РОМАНОВ О СНАЙПЕРЕ

СТАЛКЕР. Закон проклятого
СТАЛКЕР. Закон Зоны
КРЕМЛЬ 2222. Юг
СТАЛКЕР. Закон стрелка
СТАЛКЕР. Закон шрама
КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
СТАЛКЕР. Закон Шухарта
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон Монолита
ГАДЖЕТ. Чужая Москва
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля
СТАЛКЕР. Закон мутанта
СНАЙПЕР. Закон войны

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининца, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Их было много.

А я был один, если не считать друзей, которых нужно было прикрывать. Но на их помощь рассчитывать не приходилось, они и так едва держались на ногах.

Потому оставалось надеяться лишь на себя.

Я высунул из-за угла руку с автоматом и дал очередь вслепую, зная, что вряд ли попаду. А если кому-то из врагов и прилетит от меня свинцовый гостинец, то толку от этого будет немного — для того, чтобы пробить их броню, нужно либо в одну точку дважды попасть, либо стрелять в упор.

Хотя, похоже, моя очередь их немного отрезвила. Какой бы совершенной ни была их защита, но что такое несколько прицельно выпущенных пуль в башку, они знали прекрасно. Уверенный грохот подошв в коридоре стал тише, превратившись в неуверенное топтание на месте.

Я обернулся.

— Пожалуйста, идите. Я выживу, ты же знаешь. Я — легенда Зоны и не умру никогда.

— Врешь ты все, — с дрожью в голосе проговорил один из друзей, тот, что еще мог говорить. — Пообещай мне...

— Обещаю, — твердо сказал я. — Я не умру. А теперь — бегом!

К счастью, они больше не спорили. Я мазнул взглядом по их спинам, после чего резко высунулся из-за угла и всадил короткую очередь в башку врага, осторожно идущего вдоль стены впереди остальных.

Однако это была последняя очередь, потому что автомат фактически рассыпался в моих руках — оружие у врагов было очень действенным, и меня не задело лишь чудом.

Но на войне чудес не бывает. Здесь тебе порой может улыбнуться удача, но улыбка ее обычно бывает очень короткой. А в следующую секунду она может отвернуться от тебя, чтобы улыбнуться твоему противнику — и ты сползешь по стене, наблюдая, как алым фонтаном хлещет из тебя горячая кровь.

Но я уже бежал навстречу стволам, направленным на меня, с ножом в руке, навстречу неминуемой смерти — потому что ничего другого мне не оставалось, потому что лучше умереть вот так, на бегу, разрывая рот в крике, ощущая, как, словно в кипящем котле, бурлит в тебе ярость, бьет в голову, застилает взгляд красной пеленой. Потому что по-другому я не хочу умирать, потому что я волен в своем выборе смерти, как и любой живущий на этой земле...

И они начали стрелять...

Но боли я не почувствовал. Зачастую так и должно быть на адреналине, который глушит любые ощущения и любые чувства, кроме лютой ненависти к врагу. Но почему вместо боли я ощущал... раздражающую щекотку в носу, на щеках, почему шея чешется, будто по ней кто-то ползает?

Я рванулся вперед, метя ножом в мерзкую харю врага, рубанул на вдохе, закашлялся...

И проснулся.

Сон был слишком явным для того, чтобы я моментально пришел в себя, но когда в твоём носу щекочет травинка, переход от сна к яви случается моментально.

Я скривился, чихнул — и сел, протирая глаза и пытаюсь понять, где нахожусь.

Что ж, надо было признать, место для просмотра снов я выбрал красивое, прям целый ковер из сочной зеленой травы. Давно такой не видел. Смахнув с шеи надоедливую букашку, я аккуратно высунул голову из зеленого моря, попутно пытаюсь сообразить, как я тут оказался...

И почти сразу вспомнил.

Вот, значит, как...

Каждый человек хочет быть счастливым. И у каждого на этот случай заготовлен конкретный рецепт того самого пресловутого счастья. Дом у реки, например, машина, жена-красавица, денег куча, здоровье, карьера, слава... А у меня, получается, счастье — это выспаться на травяной подушке и проснуться хрен знает где. Ну, что ж, может, так оно и есть. По крайней мере, настолько выспавшимся я не чувствовал себя уже очень давно.

Однако ощущение счастья у меня довольно быстро притупилось, когда я, протерев глаза, разглядел длинный ряд колючей проволоки и вышку метрах в двухстах от того места, где я расположился. К счастью, от нее я был прикрыт березовой рощей, лишь верхушку удалось разглядеть, маячившую над редколесьем.

Ясно... Значит, ничего не поменялось. Я снова в том самом трижды осточертевшем месте, к которому, похоже, привязан, словно баран к забору. То есть в Чернобыльской Зоне, будь она трижды проклята. Хотя...

Я присмотрелся к рядам колючки — и удивился. Неужто на кордоне завели новые правила?

Перед оградой была широкая полоса тщательно распаханной земли, и я знал, что это такое.

КСП.

Контрольно-следовая полоса. Простое и эффективное средство обнаружение нарушителя, пересекавшего государственную границу. Хочешь не хочешь, а после преодоления забора следы на распаханной земле оставишь, по которым тебя быстро вычислит патруль и сообщит о происшествии куда следует. Средство, конечно, эффективное, но древнее. Насколько я знаю, сейчас для отслеживания пересечения периметра используются более современные электронные методы. Да и на кой кордонным КСП? Кого надо, они и так с вышек из пулеметов положат, а кто прорвется через колючку — да и плевать, еще не хватало за ними гоняться. Если из Зоны кто на Большую землю ломанется, на то полиция есть. А в Зону — так это квест до первой аномалии или голодного мутанта, и КСП в этом никому никак не поможет.

В общем, странно мне показалось наличие контрольно-следовой полосы на кордоне, и решил я из рощи понаблюдать за местностью, разобраться что к чему.

И, добравшись до редколесья, офигел еще больше.

Выглянув из-за дерева, я увидел столб с красно-зелеными полосами, в верхнюю часть которого был вмонтирован металлический герб. Вроде бы ничего особенного, обычный пограничный столб...

Да только герб на нем был Союза Советских Социалистических Республик!

Я протер глаза, вгляделся. Нет, ошибки быть не могло, на зрение я никогда не жаловался. Он самый, герб СССР.

А еще по тропинке вдоль границы шел патруль. Двое солдат в сапогах и хлопчатобумажной униформе без погон, в фуражках с зеленым верхом и с винтовками Мосина за плечами. Один постарше, с густыми усами. Второй молодой, лет двадцать от силы, который годными усами пока не разжился — так, старательно отращиваемый пушок над верхней губой пробился, и только.

В моей голове моментально пронесся ряд версий. Реконструкторы, неплохо воссоздавшие пейзаж времен Советского Союза? Кино снимается? Или...

Солдаты остановились. Один достал из кармана небольшой мешочек, взвесил его на руке, покачал головой, извлек из того же кармана пачку в желтой оберточной бумаге, высыпал содержимое пачки в мешочек — я даже название вспомнил: кисет! — бумагу же аккуратно в карман сунул.

А потом эти люди в антикварной пограничной форме достали клочки газет, усатый сыпанул из мешочка себе и товарищу, и они начали ловко крутить самокрутки. И по тому, как они привычно, не просыпав ни крошки, свернули газетные цилиндрики и задымили, я понял.

Не реконструкторы это.

И не кино.

Фиг кто из современных актеров вот так ловко управится с газетой и махоркой, которая, по ходу, в той желтой фабричной пачке и была. Значит, реально закинуло меня в СССР. М-да...

Что ж, путешествие по мирам для меня дело привычное, и в Советском Союзе я тоже уже бывал — в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, откуда вынес определенный опыт. А именно: советские военные народ подозрительный, политически подкованный и при виде бойца в камуфляже и берцах сразу видит в нем иностранного шпиона, которого непременно следует арестовать либо пристрелить при попытке к сопротивлению или бегству.

Потому из рощи навстречу соотечественникам я не вышел. Напротив, максимально задвинулся за березу и наострил уши, пытаясь уловить, о чем беседуют бойцы на перекуре.

К счастью, по открытому пространству звуки разносятся хорошо. К тому же вечерело, птицы уже перестали орать как ненормальные, кузнечики и прочие шумные твари тоже стрекотали в траве более умеренно, потому я довольно четко слышал, о чем беседовали бойцы.

— Жарища надоела, — пожаловался молодой. — Печет и печет, сил нет, даже вечером дышать нечем.

— По радио сегодня говорили, что в июле еще жарче будет, — сказал усатый. — Но меня не жара заботит.

— А что? — поинтересовался молодой.

— Гансы, — сплюнул усатый. — Возня их тревожит. Который день гул с ихней стороны. Тихий, но знакомый. Два года назад на Халхин-Голе у самураев похоже гудело, но сильно слабее — у них техники было кот наплакал. А тут прям сильно так, как следует шумит. И вчера днем Федотов с Игнатовым их самолет-разведчик видели, пролетел аккурат вдоль границы. Их территория, конечно, но какого лешего он высматривал, спрашивается?

— Может, у немецких товарищей учения, — пожал плечами молодой. — Не наше это дело. Политика коммунистической партии — не поддаваться на возможные провокации несознательных элементов. И, кстати, напомню: у нас с Германией пакт о ненападении. Так что твои намеки, сержант Иванов, и сравнение немецких товарищей с японскими милитаристами тоже можно расценить как провокационные речи.

— Нашел в ком провокатора искать, — хмыкнул усатый. — Я коммунист с двадцатого года, «Боевые заслуги» за Халхин-Гол, «Отвага» за финскую. Твой комсомольский задор, Антон, я, конечно, уважаю, но в моем случае ты точно не там копаешь.

Молодой попытался что-то возразить, но усатый это дело решительно пресек.

— Короче, кончай перекур, и треп заодно. Слушаем мотор. Особиста не встретим, будет нам от комвзвода на орехи.

Все время, пока солдаты неспешно беседовали, мой мозг в усиленном режиме обрабатывал информацию. «В июле будет жарче...» — значит, сейчас июнь. «Гансы с той стороны...» — я на границе

СССР с Германией. «Два года назад на Халхин-Голе» и «самураи», которые, как в известной песне поется, в тридцать девятом году решили «перейти границу у реки»...

Зашибись, в общем.

Помнится, пожелал я тогда возле исполнителя желаний счастья для всех, как однажды сделал это один мой американский друг. И вот, пожалуйста, сбылось заодно и мое «счастье». Оказался я в июне сорок первого года на границе с Германией, которая подозрительно «гудит» по ту сторону советской границы. И, поскольку я историю в школе очень любил, то нетрудно было догадаться, почему с немецкой стороны слышится техническая движуха.

И, что самое поганое, сдайся я сейчас в плен этим солдатам и начни рассказывать, что здесь произойдет со дня на день, — не поверит же никто. Более того, сочтут кем угодно: шпионом, провокатором, в лучшем случае психом, и ничем хорошим это не кончится...

Так что же делать?!!

Между тем усатый глянул на часы, кивнул на грунтовую дорогу с двумя продавленными колеями, тянущуюся вдоль рощи, в которой я прятался, и покачал головой:

— Опаздывает товарищ особист. Как бы в поле не заночевал. Тогда точно с утра не оберешься...

Так. Ясно. Это не патруль. Солдат послали встретить какую-то шишку из Особого отдела Народного комиссариата внутренних дел, занимавшегося военной контрразведкой. То есть серьезного дядю, который в те годы, находясь даже в несерьезном офи-

церском звании, обладал над простыми смертными бойцами и их командирами неограниченной властью. И дядя тот почему-то опаздывал...

План сложился в голове сам собой, я прям слышал, как воображаемые пазлы щелкнули. В результате чего я отклеился от березы, тихо, на полусогнутых пробежал через рощу — и нырнул в зеленое море травы, которое меня, пригнувшегося, скрыло с головой от посторонних взглядов.

* * *

Наверно, мне положено было в создавшейся ситуации удивляться, паниковать хотя бы слегка, выйти из равновесия хоть немного...

Но нет. Ничего такого не было. Случись подобное со мной впервые — может быть, я б и вправду растерялся. Однако на мою долю выпало столько путешествий по различным мирам, что произошедшее я воспринял совершенно спокойно. Да, проблем сразу свалилось немало: я один, в чуждой этому миру униформе, без оружия...

Хотя без оружия ли?

В правой руке ощущалась тяжесть, будто она примерно на четверть кило была тяжелее левой. Я на бегу ощупал предплечье...

Ну да, так и есть. В последнее время мой нож «Бритва» взял себе в привычку прятаться у меня в предплечье, на входе в руку и выходе обратно причиняя нешуточную боль. Но лучше уж так, чем в чужом мире оказаться вообще без оружия. Только пусть до поры до времени оно лежит там, где лежит,